

Министерство образования
Марийский государственный университет

На правах рукописи

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна

**ТОПОНИМИЯ ПРИСВИРЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ**

10.02.07 - финно-угорские и самодийские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Йошкар-Ола
2000

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
член-кор. РАН
профессор А.К.Матвеев
доктор филологических наук
профессор Ю.В.Андуганов
доктор филологических наук
профессор А.Н.Куклин

Ведущее учреждение: Петрозаводский государственный университет

Защита состоится _____ 2000 г. в _____ часов на
заседании Специализированного совета Д 064.44.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук при Марийском государственном университете.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Марийского государственного университета.

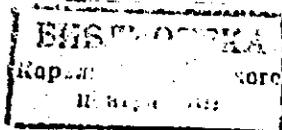
Отзывы просим направлять по адресу: 424001, г.Йошкар-Ола,
ул.Пушкина, 30, МарГУ.

Автореферат разослан " _____ " _____ 2000 г.

Ученый секретарь Специализированного совета Д 064.44.01
кандидат филологических наук, доцент

Г.Н.Валитов

151090K

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исследование взаимодействия топонимических систем, происходящего в результате этноязыкового контактирования, занимает одну из ключевых позиций в проблематике современной ономастической науки. Многие аспекты проблемы получили достойное освещение в трудах ономастов. В то же время в финно-угроведении, где ономастика является одной из наименее разработанных областей языкознания, проблемы контактирования с участием финно-угорского топонимического компонента лишь обозначены.

В настоящей работе исследуются механизмы контактирования топонимических систем региона Присвирья, неоднородного в языковом отношении. Смежное проживание здесь вепсского, карельского и русского населения является результатом длительного исторического развития, смены и активного взаимодействия этносов. Этническое контактирование сопровождалось топонимическим.

В плане исследования топонимного контактирования регион Присвирья обладает рядом преимуществ на фоне других контактных ареалов (современных или исторических) Европейского Севера России. Помимо того, что здесь достаточно детально собрана топонимия, доподлинно известны языки – участники контактных отношений. При этом исследованы основные закономерности топонимических систем названных языков – вепсской, карельской и русской. Далее, в Присвирье есть возможность наблюдать процесс взаимодействия прибалтийско-финской и русской топонимии в живом состоянии, что выгодно отличает его от региона русского Севера. Кроме того, и результат интеграции доприбалтийско-финской топонимии можно наблюдать здесь не через русское посредство, а непосредственно в самой прибалтийско-финской топонимии. Эти обстоятельства позволяют рассматривать Присвирье как своего рода полигон для анализа взаимодействия разноязычных топонимических систем и использовать апробированные здесь методические приемы и полученные результаты как для других территорий финно-угорско-русского топонимного контактирования, так и для районов, где в топонимии наличествует древняя топонимия финно-угорского типа.

Понимание сути контактных отношений существенно для решения целого ряда проблем прибалтийско-финского языкознания, т.к. через выявление закономерностей фонетической, грамматической, лексической адаптации возможна достоверная реконструкция языковых

фактов разных уровней вепского и карельского языков Присвирья. Еще более принципиальный характер оно носит в применении к интеграции доприбалтийско-финского топонимного наследия, не сохранившегося в виде живого языка или языков.

Актуальность предпринятого исследования определяется и этноисторической ценностью топонимического материала, и отражением в топонимном контактировании реальных этноисторических контактных отношений, характерных для хронологически разных этапов истории Обонежья. Ценность этого материала повышается в условиях спорности и затемненности многих моментов этнической истории вепсов и карелов-людигов, а также истоков доприбалтийско-финского населения Обонежья.

Конкретные задачи исследования. В работе исследуются механизмы взаимодействия топосистем, относящихся как к генеалогически разным (русский и прибалтийско-финские языки), так и к единой (вепский, карельский, "саамский") языковой семье. Предпринимается попытка ответить на вопрос, как русская топонимическая система перерабатывала в течение последнего тысячелетия в соответствии со своими нормами прибалтийско-финскую топонимию региона, как в историческое время происходило взаимопроникновение вепской и карельской системы имен и как, наконец, древняя топонимия края интегрировалась в прибалтийско-финскую систему имен. Такой подход позволяет представить стратиграфические пласты топонимов не как статичные, застывшие образования, а показать их в развитии, в процессе формирования – так, как они в действительности и существуют. В свою очередь, выявление специфики интеграции иноязычной топонимии, ареалов определенных адаптационных моделей, причин, вызвавших использование того или иного интергационного типа, закономерно приводит к наблюдениям и выводам этноисторического характера, т.е. использованию ономастического метода исследования сложных проблем путей заселения, формирования и разрушения этнических границ, контакта культур в Присвирье.

Методы исследования. Основным методом исследования в работе является сравнительно-исторический с применением стратиграфического, этимологического, структурно-словообразовательного анализа, реконструкцией праформ и значений. В ходе анализа сходных ономастических явлений и топонимных типов в разных языках используются приемы сравнительно-сопоставительного и типологического исследования. Применяются также статистические методики. Важная роль принадлежит ареальному (или ареально-

типологическому) методу, нацеленному на выявление ареалов топонимных типов, основ, формантов. Он сопровождается картографированием названных явлений. В последней главе, представляющей взгляд на этническую историю Присвирья, применяется собственно топонимический метод анализа формирования историко-культурных зон.

Материал исследования собирался автором в течение 20 лет в Присвирье и смежных районах и включает более 50.000 единиц хранения. В языковом отношении он делится на три части: вепская, карельская и русская топонимия.

Использованы также данные топонимической картотеки Санкт-Петербургского университета и материалы, извлеченные из письменных источников XVI-XIX вв. Часть этих материалов была опубликована в 1997 г. в виде словаря гидронимов бассейна Свири, подготовленного автором совместно с И.А.Азаровой и А.С.Гердом. Именно работа над словарем, включающем как прибалтийско-финские, так и русские варианты гидронимов, дала толчок к исследованию механизмов контактирования топонимических систем Присвирья. Дополнительным импульсом к анализу контактных отношений явилось выявившееся в силу организации материала в словаре по гидрографическому принципу своеобразие гидронимии людиговского Присвирья на фоне вепского, а также выявившийся значительный, причем определенным образом ареализованный доприбалтийско-финский материал.

Кроме того, в сопоставительных целях использованы полевые материалы смежных с Присвирьем территорий Белозерья, Обонежья, а также более северных районов Карелии, хранящиеся в научной картотеке топонимов Института ЯЛИ КНЦ РАН. Дополнительно привлекались данные по русскому Северу картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета, а также Ономастического архива Финляндии (Центр исследования национальных языков Финляндии), где хранится обширный материал по финской топонимии.

Научная новизна работы. В работе впервые осуществлен детальный анализ топонимической системы локального региона с позиций такого принципиально важного механизма ее сложения, как контактирование на различных хронологических срезах. Выявлены основные параметры, существенные для характера контактных отношений.

Среди более частных достижений исследования – реконструкция по топонимным свидетельствам утраченных вепских лексем, новые этимологии древних топонимных основ региона

Обонежья. Реконструированы определенные фонетические особенности языка носителей доприбалтийско-финской топонимии, обоснована с позиций теории онимического словообразования суффиксальная природа гидроформантов.

Выявлены устойчивые границы топонимных ареалов и на этом основании обосновано вхождение Присвирья в две историко-культурные зоны – Юго-Восточное Приладожье и Обонежье.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В топонимии территории традиционного заселения, каковым является Присвирье, сосуществование “стратов” вызвано двумя разнонаправленными процессами: заимствованием, при этом как правило предшествующей топонимической номенклатуры, и сохранением предшествующей топонимии в результате смены языка субъектом номинации. Каждый из названных процессов обусловлен соответствующей этноязыковой ситуацией, хотя результаты их в значительной степени идентичны. Субстратный характер топонимии устанавливается прежде всего по наличию соответствующего ареала.

2. Все многообразие прибалтийско-финско-русских контактных отношений, результатом которых является восприятие прибалтийско-финской топонимии в русскую систему имен, может быть сведено к трем основным способам интеграции: прямая адигтация, суффиксация, калькирование. При этом использование конкретного способа адаптации обусловлено как внутренними свойствами взаимодействующих топонимов, так и конкретными условиями контактирования. В то время как прямое усвоение и суффиксация индифферентны в смысле характера контактных отношений, калькирование предполагает их субстратный характер.

3. В ходе контактирования прибалтийско-финской и русской топонимии последняя воспринимала то и обогащалась тем из прибалтийско-финской топонимии, что не вступало в противоречие с ее собственными нормами (полукальки поддерживались возможностью образования русских сложных топонимов; полные кальки появлялись прежде всего в случае, когда в русской системе была соответствующая модель названия), и отвергала то, что было неприемлемо с точки зрения русской топонимии.

4. При контактировании вепсской и карельской топонимии с маловыраженными – в связи с генетическим родством топонимов – адаптационными моделями существенно важным является выявление дифференцирующих моделей (лексических, семантических, структурных) и их ареалов.

5. Доприбалтийско-финская топонимия в смысле генезиса родственна прибалтийско-финской топонимии Присвирья. При этом выявляющаяся в ней вокалическая система отражает прасаамское, а в некоторых случаях праприбалтийско-финско-саамское языковое состояние. Т.н. “речные” форманты Присвирья допускают суффиксальную интерпретацию, что не противоречит закономерностям финно-угорского топонимобразования.

6. Ареальные оппозиции, выявляющиеся при анализе отдельных способов адаптации и интеграционных моделей, несут существенную этноисторическую информацию об устойчивости и наложении их территориальных границ на разных хронологических срезах и увязываются с прохождением в Присвирье границы двух историко-культурных зон северо-западной России – Обонежья и Юго-Восточного Приладожья.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование вносит вклад в изучение теории языковых контактов, прежде всего в понимание специфики онимического контактирования. Теоретические изыскания и выводы диссертации существенны также для исследований в области прибалтийско-финского и прибалтийско-финско-саамского исторического языкознания и этнической истории региона Обонежья. Методологические разработки анализа контактных отношений найдут использование в прибалтийско-финской ономастике.

Материалы и реконструкции вепсских топонимов плодотворны для вепсской лексикологии и лексикографии. Введенный в научный оборот значительный новый топонимический материал может быть использован в качестве источника сопоставительных данных для топонимического обследования смежных территорий, прежде всего, в продолжающихся в Институте ЯЛИ КНЦ РАН исследованиях по ономастике Карелии и сопредельных областей.

Выявление закономерностей в интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую систему имен способствует установлению норм передачи ее на уровне официального русского функционирования.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены автором в докладах на 22 конференциях в России, Финляндии и Венгрии, в том числе двух Международных конгрессах финно-угроведов (1990, 1995), XVII Международном ономастическом конгрессе (Хельсинки, 1990), III и IV Международных финно-угорских чтениях (Санкт-Петербург, 1994 и 1997), международном симпозиуме “Прибалтийско-финский культурный ареал” (Ювяскюля, 1995), I Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола,

1994), двух совещаниях по проблемам русской диалектной этимологии (Екатеринбург, 1996 и 1999) и др. Результаты исследования докладывались также на заседании финно-угорской кафедры Хельсинкского университета (Хельсинки, 1997).

Структура и объем работы. Диссертация включает введение, пять глав, заключение, список использованной литературы и список принятых в работе сокращений. Она снабжена также 25 рисунками-картами, отражающими ареалы распространения отдельных топонимных явлений. Общий объем работы – 316 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы выбор темы, ее актуальность и научная новизна, показано значение работы.

В первой главе “Топонимия и этноязыковое контактирование” рассмотрены общие проблемы отражения в топонимическом материале процессов этнического и языкового контактирования.

В первом разделе обозначены те параметры, которые существенны в плане этноисторического потенциала топонимии, особенно функционирующей в контактном ареале. Среди них наиболее важны:

- массовость топонимического материала, выгодно отличающая топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников и этнически плохо интерпретирующихся и обычно отрывочных археологических свидетельств;

- возможность хронологической привязки топонимов и топонимных типов, вытекающая из образования географических названий по моделям (структурным, семантическим, лексическим), характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. Определенные топонимные модели продуктивны определенное время, что дает возможность поиска хронологии;

- устойчивость во времени, вытекающая из адресности топонимов. Топоним закрепляется в языке как некий звуковой комплекс, служащий для называния конкретного географического объекта. Поэтому со сменой языка он имеет больше шансов быть воспринятым или сохраниться – в зависимости от того, произошла ли смена населения или языка местного населения – в новой языковой среде;

- историко-хронологическая и социальная обусловленность номинации. Идентификация топонимов определяется уровнем общественно-исторического развития коллектива имядателей. В условиях единой культуры представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины, что создает психологическую предпосылку для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории.

При этом экспликация этноисторической информации должна быть сопряжена с пониманием того, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определяющего организующего начала образования и функционирования географических названий. Далеко не всегда корректно возводить онимы к соответствующим апеллятивам. Наличие апеллятивного омонима у ряда топонимов – скорее, исключение, чем правило. К примеру, в прибалтийско-финской топонимии, представляющей собой преимущественно сложные по структуре образования, наиболее типичные онимические композиты не известны в качестве сложных двусоставных апеллятивов и, наоборот, апеллятивные словосложения не характерны в ономастике¹. Такая ситуация вызвана разной функцией онима и апеллятива в языке. Вновь возникающий топоним ориентируется не на апеллятивное словосложение, а на существующую системную топонимную модель. При этом содержание имени определяется во многом присущей ему функцией идентификации. Отсюда следует два существенных вывода:

- 1) Признак, единый для ряда географических объектов одного рода в локальном ареале, не способен к четкой идентификации и поэтому редко кладется в основу номинации. Чем более общий признак отражен в названии, тем ограниченнее, уже было число однотипных объектов, в ряду наименований которых она возникала (ср. единственный порог в локальном ареале получает название Падун, единственное с позиций микросистемы одной деревни озеро – Озеро). Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взята некий нереальный признак. Из набора присущих географическому объекту разнородных характеристик выбирается одна, и выбор будет зависеть в значительной степени от наименований смежных озер.

- 2) Система топонимов, усвоенная носителем языка вместе с языком, становится для него моделью, когда он оказывается перед необходимостью имятворчества, например, в связи с экспансией на

¹ Kiviniemi Eero. Paikannimien rakennetyypeistä // Suomi 118:2. Forssa. 1975.

новые территории. Для истории заселения наиболее продуктивно использование хронологически и географически приуроченных моделей, образующих не размытые, поддающиеся интерпретации ареалы. Таковы в силу специфики ономастической номинации *суффиксальные* модели, которые стремятся отмежеваться от соответствующих апеллятивов и хронологически, и территориально; *семантические* модели, особенно т.н. ареальные семантические оппозиции, когда одна и та же идея выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному, и метафорические топонимы, тоже дифференцирующие языковые коллективы; *фонетические* модели, которые также образуют ареальные оппозиции.

Интерпретация топонимных ареалов сопряжена с сопоставлением их с ареалами, очерчивающимися по данным других наук (этнографические, археологические и др.). Реальной объективной основой такого сопоставления служит этнос и ареал его распространения, а также наличие общих источников и сходных методов исследования. Надежность такого рода координации поддерживается знанием ономастической типологии.

Во *втором разделе* "Топонимия в ареале этноязыкового контактирования" основное внимание сосредоточено на разграничении субстрата и заимствования в топонимии, являющемся принципиально важным для этнолингвистического исследования. В российской топонимике достаточно общепринятым является мнение о том, что всякая топонимия, не этимологизирующаяся средствами языка, бытующего на данной территории, является субстратной. Тем самым на первый план выдвигается проблема слов, а не механизм, не причина их появления.

Субстратный и заимствованный топонимы отражают разный характер языковых отношений. Субстратный топоним предполагает этнический субстрат, его появление связано с явлением двуязычия, возникающего вследствие массовой смены языка коренным населением. При этом местный язык, исчезая, оставляет четкие следы в языке-победителе, в нашем случае – в топонимической системе. Заимствованные же топонимы не обусловлены ситуацией билингвизма, а возникают в результате восприятия чужого топонима. Применительно к Присвирью потенциальные ситуации, способствовавшие заимствованию, возникали при массовом (залповом) характере миграции носителей другой топонимической системы; в результате образования (административных) центров с компактным иноязычным населением, воспринимавшим от смежно проживавшего местного определенные

топонимы – наименования наиболее значимых объектов. Наименования макрообъектов могли заимствоваться и в результате промыслового освоения. Видимо, среди названий макрообъектов в целом много заимствований, и этим (а не только древней хронологией) вызваны сложности в их этимологической интерпретации. Заимствованные топонимы менее системны в смысле отражения фонетических и прочих закономерностей, чем истинно субстратные, появившиеся вследствие языковой мены.

В отечественной ономастике мысль о разграничении субстратной и заимствованной топонимии наиболее отчетливо выражена А.К.Матвеевым¹. Им же предложены определенные критерии для разграничения последних. Среди них наиболее существенным является наличие не столько макро-, сколько микротопонимов с иноязычными истоками. С этим условием тесно соприкасается и другое – возможность оперировать не единичными названиями, но ареалом субстратных микротопонимов. Существенным показателем субстрата в топонимии является также субстратная апеллятивная лексика, формирующаяся в результате этнолингвистической ассимиляции. При этом сопоставление отдельных районов Присвирья с разной степенью и разной хронологией обрусения свидетельствует: там, где бытует субстратная микротопонимия, наличествует и субстратная лексика. Там же, где субстратный пласт в микротопонимии плохо уловим, а фиксируется в основном субстратная гидронимия, набор субстратных лексем тоже чрезвычайно сужается. В отличие от чрезвычайно устойчивой во времени гидронимии микротопонимии, как и субстратная лексика, подвержена большим изменениям и исчезновению. Поэтому отсутствие надежных следов субстратной лексики еще не означает отсутствия топонимного субстрата. Для адекватного анализа должен приниматься во внимание фактор времени. Очевидно, что чем богаче и разнообразнее субстратная микротопонимия и соответственно субстратная апеллятивная лексика, тем свежее след языковой мены.

Для территории восточного Присвирья показателем еще один – словообразовательный – критерий субстратного характера здешней прибалтийско-финской топонимии. Это бытование имен-полукалек (см. гл. 2). Последние по убедительному анализу топонимии Русского Севера размещаются в зоне новгородской феодальной колонизации, сохранявшей этнический состав местного населения. Полукальки здесь являются проявлением финно-угорского синтаксического или

¹ Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. № 2. С. 76-83.

словообразовательного субстрата и возникали в результате обрусения местной топонимии¹.

Вторая глава “Интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Присвирья” рассматривает взаимоотношения между прибалтийско-финской и русской топонимией региона исследования. Для решения проблемы привлечен материал как из русского Присвирья, в котором обнаруживается значительный пласт названий с прибалтийско-финскими истоками, так и из вепсских и карельских районов региона, где представлены русские эквиваленты прибалтийско-финских топонимов. Это позволяет не только выявить механизмы адаптации, но и проследить в хронологической перспективе становление и продуктивность разных способов интеграции прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему. Они могут быть сведены к трем основным способам: прямая адаптация, суффиксация и калькирование.

Прямая адаптация. Данный способ представляет собой фонетическое усвоение названия и является наиболее продуктивным в русско-прибалтийско-финском топонимическом контактировании. Около 70 % всех адаптированных топонимов Присвирья возникло в результате прямого усвоения. Предпосылкой этого является особое положение и функции имен собственных в языке. В силу вторичности ономастической номинации внутренняя форма лексемы, лежащей в основе наименования, несущественна для функционирования топонима. В связи с этим и проблема перевода иноязычного названия отступает на задний план. Важна звуковая сторона имени, которая и передается при адаптации.

Усвоенные путем прямой адаптации прибалтийско-финские названия с разной структурой морфологически подстраиваются под тип простых неразложимых имен и оформляются в ряде случаев родовым показателем: *Габнема* < **Nab/nem* (сложный топоним), *Ихала* < **Ihal* (простой суффиксальный), *Кайбое* < **Kaiv/oja* (сложный), *Пера* < **Perä* (простой неразложимый), *Немель* < **Nemel'* (букв. ‘на мысу’, т.е. микротопоним в форме внешнеместного падежа).

Наличие или отсутствие данной адаптационной модели и в особенности ее продуктивность в микротопонимном континууме

¹ Гусельникова М.Л. Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург. 1996.

локальной территории может служить своего рода критерием хронологии контактов и обрусения местного прибалтийско-финского населения. Микротопонимия в силу ее нестабильности относительно быстро меняется. Старые названия, заменяясь новыми, выходят из употребления. Поэтому сохранение, особенно в системе, прибалтийско-финских топонимов указывает на “свежесть” контактов. В Присвирье количество интегрированных способом прямого усвоения прибалтийско-финских топонимов опутимо увеличивается по мере продвижения с запада на восток, в соответствии с основным направлением и хронологией русского освоения региона. При этом в западном русском Присвирье выявляются центры как с минимальными следами прибалтийско-финских рудиментов, так и относительно насыщенные ими, свидетельствуя об очаговом характере русского освоения территории, начинавшемся, как правило, с центров средневековых погостов. Именно на них приходится наиболее пустые в смысле наличия микротопонимии с прибалтийско-финскими истоками очаги.

Прямая адаптация сопровождается определенной трансформацией звукового облика топонима, вызванной возможностями фонетических систем контактирующих языков. Звуки, не имевшие адекватного соответствия в заимствующем языке, замещались звуками, наиболее близкими по качеству к оригинальным. При этом такая замена характеризуется относительной регулярностью и распространена повсюду на значительной территории.

В ходе анализа закономерностей фонетической адаптации прибалтийско-финских наименований к русской топонимии Присвирья:

1) Намечены возможные древнерусские рефлексии, отражающиеся в отдельных топонимах Присвирья. Среди них - падение редуцированных (*Саврь*), отражение прибалтийско-фин. *i* через др.-рус. *e*, сосуществование вариантов *гн-л* как рефлексии славянского **il* (*Винницы*), передача прибалтийско-финского *a* через др.-рус. *o* (*Соцкий Погост*, *Олонец*). Наличие единичных примеров, не подтвержденных рядом, вызвано, видимо, заимствованным (не субстратным) характером интегрированных в древнерусское время в русскую топонимическую систему Присвирья топонимов.

2) Установлены закономерности в усвоении прибалтийско-финских звуков, не имеющих адекватного соответствия в заимствующей звуковой системе (переднерядные *e, d, i, o*, ларингальный фрикатив *h*).

3) Выявлено воздействие специфических севернорусских диалектных особенностей, затемняющих изначальный облик

прибалтийско-финских оригиналов и затрудняющих этимологизацию, на формирование системы воспринятых топонимов («ляпань», регрессивная ассимиляция заднеязычного *z*, развитие *л* в *у* неслоговое с последующим переходом в *в*, взаимозаменяемость *б//в/г*, а также *р//л* и др.)

4) Прослежены фонетические изменения в самой усвниваемой системе наименований – вепсской. Доказано, что разное усвоение ряда определенных прибалтийско-финских фонем и их сочетаний связано с качественными изменениями их характеристик. Это относится к переднерядным гласным *e*, *ä*, *ü*, которые в хронологически ранних вариантах (что подтверждается ареалом их бытования, привязкой к наиболее значимым объектам) передаются более задними по образованию русскими гласными, чем в поздних, и подтверждают изменение качества вепсских переднерядных (тенденция к йотированию) в результате активного русского воздействия. Приведенная ниже таблица наглядно фиксирует эту тенденцию:

Топооснова	Ранние топонимы	Поздние топонимы
enä	(В)оно(зеро)	(Г)ен(уя) [jэ-], [г'э-]
än-	Оне(жское)	Яне(зеро) [ja-]
särg	Сарга	Сярга [с'а-]
süřj	Сурья	Сюрья [с'у-]

Топонимия Присвирья отражает также разные этапы свойственной всем вепским говорам лабиализации *l* в заднерядных словах в позиции конца слога с последующей чередой изменений образовавшегося дифтонга (Тальгинский руч. и р.Тойба: talv → tauv → touv 'зима'). Упрощение прибалтийско-финской основы *-kse-* в вепском до *-se-* – еще один процесс, разные этапы которого зафиксировались в интегрированной в русскую топонимическую систему Присвирья вепсской топонимии (ср. в западном Присвирье *Мелукса*, *Сермакса*, в восточном, смежном с ареалом современного вепского расселения *Вадруса*, *Витмуса*).

Суффиксация. Принципиально важным для появления суффиксально оформленных топонимов с нерусскими основами является то, что для суффиксов, использующихся в топонимии, первоначальное их значение чаще всего неактуально. Они выступают в качестве формального элемента, отличающего имя от апеллятива, характерного топонимного показателя определенного разряда топонимов. Это обстоятельство делает возможным их функционирование в сочетании с иноязычными основами, где суффикс применяется как некий адаптор, вводящий топоним в ряд других

однотипных и облегчающий вхождение нерусского топонима в русскую топонимическую систему.

Сопоставляя активность использования суффиксальных моделей для интеграции прибалтийско-финских названий с тем, насколько они в целом продуктивны в русской топонимии Присвирья, можно констатировать, что, как правило, здесь есть прямая связь: популярность форманта в русской топонимии приводит к распространению данной модели на иноязычные топонимы. Это подтверждается на примере использования суффикса *-ка* (рр. *Сарка*, *Корбойка*, *Ягремка*, *Каномка*), *-ево/-ово* (дд. *Куково*, *Лембово*, *Коково*, *Кургово*), *-ино* (дд. *Тойвино*, *Кургино*, *Куйвино*, *Кяргино*), *-ица/-ец* (*Розменица*, *Мегрица*, *Мегреница*).

В ряде случаев эта связь носит исторический характер: в роли адапторов используются суффиксы, бывшие продуктивными на той исторической территории, откуда продвинулись в вепское Присвирье носители русской топонимической системы, и в тот исторический момент, когда это продвижение произошло. Известные восточнославянские «речные» суффиксы *-ица* (*Ейница*, *Пялица*, *Сарица*, *Пагодрица*, *Урьица*) и *-ина* (*Важина*, *Ирвина*, *Савина*, *Аштина*) используются в Присвирье практически исключительно в сочетании с иноязычными основами: ко времени русского освоения реки средней величины (именно к ним привязаны в Присвирье модели на *-ина* и *-ица*) имели уже свои устоявшиеся наименования, которые адаптировались с помощью привычных русских суффиксов. С позиций устойчивости топонимов подобная реконструкция является вполне естественной. Точно так же ойконимный формант *-ичи/-ицы*, имеющий праславянские истоки и продвинувшийся на северо-восток с восточнославянским освоением, не закрепился в Присвирье – за исключением нескольких единичных названий – в сочетании с русскими основами, будучи в то же время достаточно продуктивным в оформлении ойконимов с дорусскими истоками (*Винницы*, *Уштовичи*, *Коковичи*, *Мустиничи*, *Валданицы*). Привнесенная ойконимная модель была использована для введения в класс русских ойконимов прибалтийско-финских оригинальных наименований гнезд поселений, оформленных *-l*-овым формантом (*Коковичи* ← *Kokoi*, *Имоченицы* ← **Himačal*). Функционирование модели преимущественно в наименованиях гнезд поселений в сочетании с непродуктивностью образований от русских основ может означать, что в процессе древнерусской колонизации Присвирья в ареале бытования данной модели практически не возникало новых собственно русских кустов поселений, а происходило подселение в уже существовавшие прибалтийско-финские.

Судя по ряду косвенных обстоятельств, четкой закономерности и последовательности в том, какая прибалтийско-финская структурная модель стоит за адаптированной суффиксальной, не существует. При интеграции вступает в силу другое важное обстоятельство – вхождение в ряд однотипных (принадлежащих к тому же разряду) русских топонимов. В результате один и тот же прибалтийско-финский тип может быть усвоен разными способами. На этом фоне выделяется последовательное замещение в северном Присвирье вепсской -l-овой суффиксальной ойконимной модели русской с суффиксом -ичи/-ицы (*Karhil* → *Каргиничи*). Оно особенно выразительно на фоне южного Присвирья, где -l-овая модель усваивалась путем прямой адаптации (**Murda* → *Мурдола*, **Kaibal* → *Кайбола*), и прилегающего к Присвирью с севера восточного Приладожья, где в русских вариантах ливвиковских ойконимов русский суффикс не замещает прибалтийско-финский (как в северном Присвирье), а наращивается на него: *Jurgil* → *Юргилицы*, *Kunil* → *Кунилицы*. В этом контексте возникновение связки -ичи/-ицы – -l, когда происходил своего рода “полуперевод” топонима, выразившийся заменой вепсского ойконимного форманта соответствующим русским, было, видимо, спровоцировано ситуацией двуязычия населения. Данное предположение имеет и ареальную поддержку, поскольку территория распространения ойконимов на -ичи/-ицы совпадает с ареалом бытования ряда типов топонимных полукалек.

Картографирование суффиксальных типов, использованных для адаптации прибалтийско-финской топонимии, выявляет их явную ареальную дистрибуцию, за которой стоят процессы поэтапного и имевшего, очевидно, разные центры и разный характер русского освоения региона.

Калькирование. Калькирование (полное или частичное) – один из специфических севернорусских типов усвоения прибалтийско-финской топонимии русским языком. Оноимическая калька – это имя, заимствованное путем буквального перевода. Традиционно в ономастике выделяют полные кальки, образованные в результате полного поморфемного перевода иноязычного оригинала (*Pitk/järv* → *Долг/озеро*, *Долгое озеро*), и полукальки.

Полукальки – словосложения из субстратной (непереведенной) основы и русского географического термина, являющегося переводом регулярной, повторяющейся определяемой части сложных прибалтийско-финских оригиналов (*Kaid/järv* → *Кайд/озеро*, *Kiv/oja* → *Кив/ручей*). Хотя словосложение известно и русской топонимии, там оно находится на периферии спектра способов топонимобразования.

То, что на севере оно выдвигается на роль одного из важных структурных типов топонимов, есть результат прибалтийско-финской структурно-морфологической интерференции, перенесения финских (в широком плане) особенностей на русскую систему топонимов. Условием такой интерференции является постепенное – через стадию двуязычия – обрусение местного прибалтийско-финского населения. Полукальки, таким образом, должны рассматриваться как проявление субстрата (не заимствования).

В ходе анализа выявленных в Присвирье 19 моделей полукалек выяснилось, что одни из них значительно более продуктивны и представлены многими десятками примеров каждая:

-болото (*Кайд/болото*, *Кив/болото*, *Пурн/болото*)

-гора (*Кябель/гора*, *Кумба/гора*, *Сай/гора*, *Чур/гора*)

-наволок (*Кар/наволок*, *Мадар/наволок*, *Пель/наволок*)

-озеро (*Канж/озеро*, *Леп/озеро*, *Перх/озеро*, *Чик/озеро*)

-остров (*Из/остров*, *Колк/остров*, *Ламб/остров*)

-ручей (*Вех/ручей*, *Кунд/ручей*, *Лун/ручей*, *Пехк/ручей*, *Ян/ручей*)

Другие имеют ограниченное распространение, причем, причины этого могут быть разными: редкость самих реалий (-*порог*), малая продуктивность соответствующей модели в прибалтийско-финской топонимии (-*река*: прибалтийско-финские потапонимы Присвирья в большинстве своем одночленные, оформление их детерминантом -*jogi* происходит крайне редко; -*плесо*: семантический эквивалентный прибалтийско-финский термин -*lammen* известен только в людиковском Присвирье, у вепсов его нет), неустойчивость или вторичность оригинальной прибалтийско-финской модели (-*пожня*, -*нива*) узкое бытование географического термина в русских говорах Присвирья (-*зуба* ‘залив’).

Полукальки, в которых в качестве основного компонента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника (-*кара*, -*корба*, -*сельга* и др.), видимо, имеют двойное происхождение: или представляют собой результат прямого усвоения прибалтийско-финского топонима, или образованы по типу полукалек, в которых определяемая часть воспринимается как свой, русский географический термин.

Для этноязыковой интерпретации полукалек существенно то обстоятельство, что они имеют в Присвирье четкую ареальную привязку. Они господствуют в верхнем, северо-восточном Присвирье. За юго-западными границами этого ареала усвоение сложных по структуре прибалтийско-финских оригиналов происходило принципиально иным способом прямой адаптации: *Kiv/oja* → *Кивоя*

(юго-западное Присвирье), *Кив/ручей* (северо-восточное Присвирье), *Нав/нет* → *Габнема*, *Габ/наволок*. При этом проходящая в Присвирье граница двух типов адаптации на самом деле имеет не местный, а глобальный характер, ибо именно Присвирье является западным форпостом обширного ареала полукалек русского Севера, распространенных в ареале бывшего новгородского освоения. Западная граница подавляющего числа присвирских полукалек совпадает с границей, разделяющей Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы севернорусских говоров, формирование которой может быть отнесено к XIII-XIV вв. Если в пределах Ладого-Тихвинской зоны (особенно в ее юго-западной части) древнерусское освоение носило достаточно активный, плотный характер и вело к относительно быстрой ассимиляции местного прибалтийско-финского населения, то Онежская зона складывалась, видимо, преимущественно без коренного изменения этнического состава населения, как следствие постепенного – через этап двуязычия – перехода финского населения на русский язык. Именно такие условия были благоприятны для появления полукалек.

Полукальки на *-озеро* и, очевидно, *-гора* имеют более западный ареал бытования. Однако и его западная граница достаточно последовательно накладывается на диалектную, разделяющую Ладого-Тихвинскую зону на северо-восточную (нижняя Свирь, нижняя Оять, Капша) и юго-западную (Паша) подзоны, из которых первая отличается значительно лучшим отражением субстратных прибалтийско-финских явлений на разных языковых уровнях и является в этом плане своеобразным буфером между юго-западными ладого-тихвинскими говорами и онежским диалектом.

Ареалы полукалек, таким образом, отражают процесс поэтапного обрусения прибалтийско-финского Присвирья с юго-запада на северо-восток. При этом лакуны, обнаруживающиеся в ареале полукалек на *-озеро* (для интеграции там используются древние продуктивные русские лимнонимные моделина *-ыи*, *-ое*: *Сагарье*, *Кижье*, *Изное*, *Редое*), свидетельствуют о существовании центров, где финско-русские взаимоотношения складывались по некоему иному типу. Неслучайно они приходятся на располагавшиеся на средней Оять и Оятско-Капшинском водоразделе древние административные центры, где русское языковое воздействие было активнее.

Полные кальки, внешне идентичные русским топонимам, выявить значительно сложнее, чем полукальки. Это удастся, если:

1) известны синхронные (или разновременные) варианты топонима, один из которых отражает прибалтийско-финский оригинал, другой – его русский перевод: бол. *Койвуши* ~ *Березники*; руч.

Кондручей (вепс. *kondi* 'медведь') в источниках XVII в. известен под именем *Медвежий ручей*;

2) обнаруживаются метонимические кальки – использование переводного названия для смежного объекта: *Грязный ручей* вытекает из *Редозера*, вепс. *redu* 'грязь', *Елчинручей* (< **Jouŋen/ŋoja*, вепс. *jouŋen* 'лебедь') имеет истоком своим *Лебежье озеро*;

3) выявляются русские соответствия (переводы) специфических прибалтийско-финских топонимных моделей, к примеру, метафорических, эквиваленты которых не имеют распространения в собственно русской топонимии региона: *Петушинный Гребень* или *Петуний Гребень* в качестве наименований возвышенных участков местности восходит к вепс. *Kukoinharj*, букв. 'петушинный гребень';

4) в массе субстратных топонимов (обычно гидронимов) определенного замкнутого ареала обнаруживаются единичные русские вкрапления, которые к тому же укладываются в описанные ниже условия, благоприятствующие переводу (ср. *Щучьи озера* среди господствующей субстратной лимнонимии Пудожья).

Проблема образования полных калек тесно смыкается с проблемой перевода в топонимии. Почему одни из этимологически прозрачных топооснов в процессе адаптации топонима переводятся (*Pitk/järv*, *pitk* 'длинный, долгий' → *Долгозеро* или *Долгое озеро*), а другие нет (*Kaid/järv*, *kaid* 'узкий' → *Кайдозеро*)? Насколько случаен или, наоборот, закономерен этот процесс?

Анализ гидронимов территории вепсского и карельского Присвирья выявил определенные тенденции в переводе гидронимных основ. Оказалось, что среди всех семантических групп лексики, участвующей в образовании гидронимов, достаточно последовательно переводятся только имеющие качественную семантику, и из них лишь некоторые совершенно определенные основы: *must-* 'черный' (*Must/järv* → *Черное озеро*), *vouged-* 'белый' (*Vouged/järv* → *Белозеро* или *Белое озеро*), *pitk-* 'длинный, долгий', *våg-* 'кривой', *süvä-* 'глубокий', в гелонимах *laged-* 'открытый, безлесый' (в русских соответствиях 'гладкий'). Среди основ, входящих в другие семантические разряды, наиболее четкую тенденцию к переводу обнаруживают две конкретные топоосновы: *hein* 'сено' (*Hein/ŋoja*, *-so*, *-järv* → *Сенной ручей*, *Сенное болото*, *Сенное озеро* или *Сеннозеро*) и *haug-* 'щука'. Выявленная тенденция имеет историческую перспективу, подтверждающуюся письменными документами XVIII в. Она, кроме того, не ограничивается Присвирьем, а проявляется во всем Обонежье.

Очевидно, одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается в наличии

эквивалентной модели в воспринимающей русской топонимной системе данной или смежной территории. Если таковая имеется, усваиваемый топоним подстраивается под нее, занимая место в готовой ячейке. Если же такой модели наготове не оказывается, то, несмотря на прозрачную семантику, возможности перевода ограничены.

При этом должны учитываться временные рамки бытования продуктивных топонимных моделей. В ранний период вепско-русского контактирования в Присвирье вепская продуктивная гидрооснова *ahven-* 'окунь' переводилась русским диалектным эквивалентом отрей-/остреч- 'окунь' (*Ahnuz/d'ogi* → р. *Остречина*). Однако с утратой диалектной лексемы из русских говоров Присвирья исчезает и продуктивная русская гидронимная топооснова. Отсутствие традиций в употреблении топонимной основы окунь- ведет к тому, что в ареале позднего обрусения, а также на двуязычной территории Присвирья вепская основа *ahven-* практически остается без перевода: *Ahvenjärvi*, *Ahnjärvi* → *Агвенъозеро*, *Агнозеро*.

Выявленная тенденция не носит закономерного, обязательного характера (ср. отмеченные выше переводы специфических вепских метафорических топонимов), однако может рассматриваться в качестве одного из существенных критериев для перевода.

В отличие от полукалек полные кальки не образуют каких-либо четко очерченных ареалов (или их не удается выявить в силу внешнего сходства с русскими топонимами).

Глава 3 «Вепско-карельские контакты в топонимии северного Присвирья» посвящена выявлению специфики контактных отношений в условиях взаимодействия близкородственных в языковом отношении топонимных систем – вепской и карельской. При этом речь идет не просто о близкородственном языке, но о вхождении одного составной частью в другой: вепской принял непосредственное участие в формировании южнокарельских ливвиковского и людиковского наречий, из которых последний распространен в северном Присвирье. В этих условиях приходится констатировать, что в ходе грамматического и лексического усвоения бывшая вепская топонимия в северном Присвирье в подавляющей большинстве случаев полностью интегрировалась в карельскую топонимную систему. Объективными предпосылками являются единство топонимной лексики, восходящей в массе своей к общему для всех прибалтийско-финских языков словарному фонду, единые принципы топонимного словообразования, в том числе общий набор топонимных суффиксов.

В ходе анализа преследовалась цель выявить на фоне значительной идентичности карельских и вепских топонимных моделей факты, специфические для каждой из контактирующих топонимных систем, и, основываясь на выявлении их генезиса, предложить их этноязыковую интерпретацию.

Специфика прослеживается по следующим параметрам:

1) Дифференцирующие топоосновы, восходящие к оригинальной для каждого из контактирующих языков лексике. В силу значительного единства прибалтийско-финской топонимной лексики, а также с учетом ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов, таковых немного. Среди специфических карельских топооснов северного (людиковского) Присвирья *lambi* 'лесное озеро', *lammien* 'озерное или речное плесо', *lodem* 'низина', *mander* 'берег, земля (в противоположность воде)', *särke* 'продолговатая возвышенность' и некоторые другие, восходящие к дифференцирующим (т.е. отсутствующим в вепских говорах) карельским ландшафтными терминами. Из других семантических групп лексики отметим здесь *lappi* (*Lapin/därve*, *Lapin/suo*; *Lapin/suares*) с вероятными этнонимическими истоками. Ареалы отмеченных основ не выходят за пределы северного Присвирья, в котором их позиции в целом – в соответствии с былой вепской традицией – достаточно слабы.

Среди дифференцирующих топооснов вепского типа есть как элементы, зафиксированные в людиковских говорах в качестве вепских заимствований на аппелятивном срезе (*purde* ~ *burde* 'родник': *Purde/selg*, *Burde*, *kuar* ~ *kuare* 'залив': *Muda/kuar*, *Kuare*), так и не получившие здесь аппелятивного функционирования (вепс. *čuhak* ~ *čuhuk* 'гора': *Čuhakko/mägi*, *Ču uk/niemi*). Широкое бытование моделей в южном вепском Присвирье при фактически полном отсутствии их за северными и западными пределами северной части бассейна Свири должно быть увязано с вепскими истоками моделей.

2) Топонимные типы (иначе модели называния), являющиеся нормой для одной из контактирующих систем и отсутствующие в другой. При сопоставлении карельской и вепской топонимии модель *Pääjärvi* (*pää* 'голова'), неизвестная в вепской топонимии и хорошо представленная в карельской в наименованиях водораздельных, т.е. являющихся началом, истоком водной системы озер, может рассматриваться как сугубо карельская. Вепская топонимия в данной ситуации обходится семантически однородными моделями *Ladv-*, *Matk-*, *Yläjärvi*. В этом контексте показательное отсутствие модели *Pääjärvi* в северном Присвирье (при том, что она представлена на смежной

карельской территории), которое, видимо, сохранило былую вепскую традицию.

Наоборот, гидронимная модель *Pühäjärvi* (букв. 'святое озеро', первоначально 'пограничное, конечное озеро', ср. примарное значение *rühä* 'ограда, граница') должна в северном Присвирье рассматриваться как вепское наследие. Она хорошо известна в вепской топонимии, в то время как в карельской фиксируется только в ареале северного и северо-западного Приладожья, т.е. коренной карельской территории. На востоке же карельского ареала, т.е. на Олонецком перешейке и севернее, в районах центральной и северной Карелии она неизвестна. Причины исчезновения модели из карельской топонимии в период восточной экспансии связаны с семантическим сдвигом в значении прибалтийско-финской лексемы в начале II тыс., приводящим к утрате актуальной для гидронимии семантики 'ограда, граница'.

К типовым моделям примыкают метафорические топонимы, в которых отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной топонимии метафоры. В качестве примера вепского образного топонима приведем *Kukoi(n)harj* ~ *Kukiharj* (букв. 'петушиный гребень') – наименование возвышенных участков местности, продуктивное в вепской топонимии южного Присвирья и представленной несколькими фиксациями в северном. Отсутствие аналогичной модели в ливвиковской топонимии, а также в людиковской за пределами северного Присвирья позволяет интерпретировать северосвирские фиксации как вепское наследие на людиковской территории.

3) Дистрибуция структурных (прежде всего суффиксальных) моделей при карельско-вепском топонимном контактировании. Впрочем, возможности поиска дифференцирующих топоформантов (суффиксов) чрезвычайно ограничены, поскольку суффиксальные образования, во-первых, вообще не получили в прибалтийско-финской топонимии широкого распространения, во-вторых, набор их в целом един для карельской и вепской топонимии. В такой ситуации информативным оказывается использование дополнительных обстоятельств, позволяющих вскрыть генезис форманта. Хотя *-i*-овый ойконимный суффикс известен как вепской, так и карельской (в том числе территориально смежной с ареалом людиковского северного Присвирья ливвиковской) топонимии, все же ряд обстоятельств позволяет констатировать вепские истоки модели в северном Присвирье (*Tuoškal*, *Pirkla*, *Kinul*, *Sagil*). На это указывает отсутствие модели в остальном людиковском ареале, а также наличие единого непрерывного ареала с вепской *-i*-овой ойконимией южного

Присвирья. Для выявления этноязыковых истоков модели существенны и русские варианты ойконимов (*Ташкиницы*, *Пиркиничи*, *Кинницы*, *Согиницы*) с суффиксом *-ичи/-ицы*, утратившем продуктивность в Присвирье к XV в. В то же время в ливвиковском ареале *-i*-овая модель лишь к XV в. становится продуктивной. Хронологические рамки бытования моделей склоняют к мысли о вепских истоках *-i*-овой ойконимии в людиковском Присвирье.

Выявление специфических структурных и лексико-семантических моделей и их картографирование позволяет утверждать, что в северном Присвирье представлен ряд явлений, имеющих южносвирские вепские истоки, и в то же время ему чужды некоторые типичные карелизмы. Это не значит, что вепские признаки отсутствуют в топонимии карельской территории за пределами Присвирья, однако там они менее выражены, обнаружить их сложнее. В Присвирье же вепские элементы поддерживаются рамками единого водного бассейна, подтверждая первостепенную роль водных путей и границ в этнической истории ареалов.

В ходе картографирования дифференцирующих вепских моделей выявлена существенная особенность в их пространственном размещении – привязка к водному пути, ведущему из Присвирья вдоль р.Важника за северные пределы Присвирья в восточное Сямозерье (*šuhak*, *kukuoinharj*, *purde*, *kuar*). Поскольку именно по этой линии проходит языковая и этническая ливвиковско-людиковская граница, мы полагаем, что присвирское вепское воздействие явилось решающим фактором ее формирования. Исходя из хронологических рамок существования определенных топонимных моделей, представленных в зоне притяжения данного водного пути, можно полагать, что он попал в сферу вепского использования не позднее начала II тыс. (модель на *-la*) и использовался на протяжении длительного времени вплоть до последних веков, на что указывает присутствие здесь неустойчивой во времени вепской микротопонимии.

В глава 4 «Доприбалтийско-финская топонимия Присвирья» выделяются три структурных раздела.

В первом разделе «Общие вопросы изучения доприбалтийско-финского наследия в топонимии Присвирья» определяются основные источники поиска конкретного языкового создателя древней топонимии края. Констатируется, что данные истории, археологии и других дисциплин исторического цикла определяют лишь общее направление поиска, который конкретизируется собственно лингвистическим материалом – наличием соответствующего наследия в апеллятивной

лексике языка. Языковая идентификация лексем, обладающих внутренней формой, несравненно доступнее и надежнее, чем этимологизация ассамангических топонимов. В доприбалтийско-финском языковом наследии Обонежья выделяются отчетливые саамские следы, причем не только на уровне лексики (ср. саам. заимствования в вепсском *šimbič, čoga, čiga* и др.), но и в фонетике, и в словообразовании. Просматриваются определенные связи (больше, однако, ареальные, чем собственно этимологические) с волжско-финским языковым ареалом, что наводит на мысль о наличии в вепсском некоего восточного элемента. В действительности при ориентации на саамские и волжско-финские связи надо учитывать, что часть лексем, не восходя непосредственно ни к одному конкретному финно-угорскому языковому источнику, обнаруживает вместе с тем явные сходства и в саамском, и в волжско-финских языках (шогра), что, в принципе, позволяет предполагать, что в языке создателей древней топонимии Обонежья не было резкого противостояния саамских и волжско-финских элементов. "Саамский" язык Обонежья не был адекватен современным саамским языкам Скандинавии. Топонимия свидетельствует о том, что в нем отсутствовали некоторые характерные лексемы, отличающие современные саамские языки. В то же время в Обонежье обнаружены топонимные основы, объединяющие эту территорию Поволжьем. В принципе такая характеристика согласуется с современными представлениями о генезисе саамского языка, который возводится к единым истокам (т.н. прибалтийско-финско-саамскому праязыку) с прибалтийско-финскими языками. Можно полагать, что "саамский" язык Обонежья был, во первых, ближе к праязыковому состоянию, во-вторых, на территории, смежной с Поволжьем, сохранял более прочные связи с волжским языковым типом.

Во второй части раздела излагаются общие теоретические и методические подходы к анализу доприбалтийско-финской топонимии. В этимологическом исследовании субстратной топонимии обонежского региона выделяются два взаимозависимых этапа: выявление формальной структуры названия, определяющее во многом те языковые рамки, в которых должен вестись поиск этимологии, и собственно этимология структурных элементов.

Анализ структуры свидетельствует об отсутствии в Обонежье специфических субстратных детерминантов по типу прибалтийско-финских в русской топонимии (ср. о *Маясарь*, руч. *Кивоя*, оз. *Чикарь*). Это обстоятельство существенно для понимания механизма адаптации древней топонимии. Результаты исследования прибалтийско-финско-русского контактирования говорят о том, что прямое усвоение с

сохранением облика детерминанта в неизменном виде происходит в случае а) невозможности его адекватного перевода, б) отсутствия соответствующей структурной модели в воспринимающей системе, с) раритетности модели. Очевидно, отсутствие надежных следов субстратных гидроформантов в нашем случае обусловлено их последовательным переводом или, точнее, приспособлением основных элементов двусложных субстратных гидронимов - в силу родства воспринимаемой и оригинальной топонимии - к вепсской системе названий (ср. подобный процесс в ходе вепско-карельского контактирования). Результатом являются полукальки, в которых при довепсском атрибуте присутствует вепсский детерминант.

При отсутствии убедительных детерминантов в гидронимии Присвирья есть потапонимы с "речными" формантами, природа которых не вполне ясна. Во втором разделе излагаются доказательства в пользу возможных суффиксальных истоков ряда гидроформантов.

Для собственно этимологических изысканий важно выявление т.н. точных (в нашем случае подтверждаемых характером географических реалий) этимологий, позволяющих реконструировать определенные фонетические особенности утраченного языка или языков и применять выявленные особенности к топоосновам, этимологии которых носят предположительный характер. Они в этом смысле служат критерием этимологии. Поиск точных этимологий направляется и конкретизируется учетом семантических моделей названия - принципов номинации, в которых "обнаруживаются универсальные ахронические черты"¹. Вследствие этого семантические модели, выявленные в вепсской гидронимии (в частности, расположение объекта названия внутри водной системы, отражение географических особенностей объекта названия), могут быть приложены (с известными ограничениями) к субстратным названиям.

Существен также учет саамских и волжско-финских (в силу наличия в Присвирье топооснов саамского и волжско-финского типов) собственно языковых черт. Особенно показательна для наших целей история саамской системы гласных, которая традиционно кладется в основу выделения трех хронологически последовательных этапов в развитии саамского языка: раннепрасаамский, позднепрасаамский и современный саамский, которым, в свою очередь, предшествует прибалтийско-финско-саамский этап.

¹ Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск. 1986. С.46.

Если суммировать приведенные выше положения, то применяемая здесь методика этимологического анализа субстратной доприбалтийско-финской топонимии Присвирья основана на выявлении "точных", географически проверяемых этимологий в рамках универсальных семантических моделей номинации и с учетом тех языковых (структурных и фонетических) закономерностей, которые установлены прибалтийско-финско-саамским историческим языкознанием на апеллативном материале. При этом важным моментом "точности" этимологии является повторяемость тоноосновы и существование определенного ареала. Выявленные на этой основе точные этимологии могут далее использоваться в качестве критерия, своеобразного эталона для интерпретации основ, не имеющих надежного ландшафтно-географического обоснования, не обладающих четким ареалом и т.д.

Раздел «К истокам «речных» формантов» посвящен проблеме генезиса формантов, выступающих в речных наименованиях на обширном пространстве Европейского северо-запада и традиционно считающихся рудиментами географических терминов со значением 'река, вода'. Типологическими аналогами служат двусоставные потапонимы современных финно-угорских языков. При этом упускается из виду другая возможный источник "речных" формантов – топонимные суффиксы, которые, как свидетельствует материал современной прибалтийско-финской топонимии, занимают здесь достаточно устойчивые позиции.

В работе предложены основные положения функционирования прибалтийско-финских топонимных суффиксов:

1) Топонимный суффикс (= формант) замещает собой детерминант двусоставного прибалтийско-финского топонима. При наличии суффикса надобность в географическом термине отпадает: ср. суффикс -č в вепсских лимнонимах *Märgač, Pahač, Vahač* при параллельных *Mägrjäv, Pahajäv, Vahajäv* (-jäv 'озеро'). При этом топонимный суффикс способен нести классификационное разрядовое значение (в прибалтийско-финской топонимии суффикс -la характерен для ойконимов, -šip для агроонимов, -no для лимнонимов).

2) Истоки прибалтийско-финских топонимных формантов в апеллативных словообразовательных суффиксах. Для топонимии не изобретается каких-то своих словообразовательных элементов. Однако система топоформантов не является отражением соответствующей апеллативной суффиксации (см. п.3,4).

3) Лишь часть апеллативных суффиксов способна преобразовываться в топоформанты. В топонимии закрепляются суффиксы с определенной семантикой (деминутивной, коллективной, локативной, обозначающие подобие выраженному производящей основой). При этом формант, усваиваемый из апеллативного словообразования, постепенно обретает независимость от апеллативной модели и начинает функционировать самостоятельно, в роли определенного знака, показателя принадлежности оформленного с его помощью слова к топонимам, причем, определенного разряда (ср. использование деминутивного суффикса -nep в роли идентификатора лимнонимов в финляндском Саво).

В этом же контексте должно рассматриваться функционирование суффикса в связке с иноязычной топоосновой: присоединяясь к субстратному топониму (основе), суффикс служит для приспособления его к языку следующей волны населения.

4) В топонимии как правило закрепляются суффиксы, малопродуктивные в апеллативном словообразовании. Это вызвано стремлением к размежеванию между онимическими и апеллативными суффиксами, которое закономерно вытекает из функции топоформанта как показателя топонимичности. Он призван отличать оним от апеллатива. В силу этого топонимия стремится к использованию показателей, не являющихся продуктивной апеллативной моделью.

5) В том случае, когда суффикс бытует и в апеллативном словообразовании, и в топонимии, налицо размежевание апеллативного и онимного ареалов. Непродуктивность прибалтийско-финского суффикса -išt с коллективной семантикой в нарицательных именах в ареале вепсских Белозерья и Прионежья способствовала распространению модели на -išt в топонимии (дд. *Tihoništ, Deremišt, Vasilišt*). Наоборот, в Прионье, где апеллативный тип на -išt регулярен, не произошел переход аффикса в разряд онимических формантов. За этим также стоит функция отличия онима от нарицательного имени, присущая топоформантам.

Мы полагаем, что изложенные выше положения носят универсальный характер (ср. аналогичное употребление в других финно-угорских топонимических системах), что позволяет, не отрицая терминологического происхождения ряда гидроформантов, предполагать суффиксальные истоки для других из них.

В работе приведены доводы в пользу суффиксальных истоков следующих «речных» формантов Присвирья:

-нда/-нжа ~ -нзя (< вепс. -nd/-nž). Распространен на границе восточного Присвирья и юго-восточного Обонежья. Наличие двух

вариантов (*Юлонда, Илинжа; Веранда, Оранжеа*) вызвано закономерностями фонетического развития, присущего восточным вепским говорам. Способность к оформлению как прибалтийско-финских по происхождению (*Salinž, Üland, Оранжеа*), так и неприбалтийско-финских (*Виксинда, Колонда, Ухтинжа*) основ в совокупности с ареалом форманта, повторяющим реконструирующийся ареал былого вепского расселения, в принципе дает основание исходить из его прибалтийско-финских истоков: ср. вепс. -nd (приб.-фин. -nta) в функции обозначения подобия выраженному производящей основой. Семантика суффикса и его исключительно низкая активность в апеллятивном словообразовании способствуют закреплению его на онимическом уровне. С другой стороны, однако, наличие прибалтийско-финских этимологий в топонимах не исключает доприбалтийско-финских истоков форманта, который мог в роли популярного топонимного элемента перейти на родившиеся позже гидронимы.

На восточной границе ареала бытования зафиксировано сосуществование фонетических вариантов -нзя (<-nž <-nd) ~ -нга (*Паланзя ~ Паланга, Валанзя ~ Валанга*). Остается, однако, вопросом, как это соотносится с известной гидронимной моделью на -нга, ареал распространения которой примыкает с востока к очерченному ареалу.

-Vc/-Vks (< вепс. -Vs/-Vks). С учетом вепских фонетических закономерностей варианты -Vs/-Vks возводятся к единым истокам (*-Vkse), при этом функционирование форманта в наименованиях рек средней и малой величины, возможность интерпретации ряда топонимов из прибалтийско-финских языковых данных (*Ahnuz, Койвакса, Леймас*), определенные признаки локальных скоплений свидетельствуют в пользу возможных прибалтийско-финских истоков «речного» суффикса. Последний использовался с целью придания названию, при этом строго речному, статуса топонима. Об этом свидетельствует бездетерминантное функционирование потапонимов (*Habardus, Pettus*), а также оформление суффиксом основ с неприбалтийско-финскими истоками.

Поскольку имеющий финно-угорские корни суффикс воплотился в целом ряде финно-угорских языков, его языковые корни в топонимии, представленной в обширном ареале Европейского севера России, могут быть связаны с разными финно-угорскими источниками. В принципе и для Присвирья допустимы довелесские корни форманта, который мог воплотиться в некоторых гидронимах уже в довелесскую эпоху, а затем получить подкрепление в вепском топонимобразовании в качестве сугубо гидронимного форманта. Закреплению его в данной роли могла способствовать как относительно слабая продуктивность в

апеллятивном словообразовании, так и функция подобия выраженному производящей основой.

-ма (< вепс. -m). Аффиксальная интерпретация, предлагавшаяся для форманта (А.И.Попов, А.К.Матвеев), получает теоретическую поддержку в контексте приведенных выше доводов в пользу возможного суффиксального происхождения ряда топоформантов. В качестве источника «речного» форманта (в Присвирье pp.*Nažam, Čoram, Ягрема, Яндеба* (<*Яндема), *Канома*) предлагается деноминальный финно-угорский суффикс -mV, представленный в абсолютном большинстве финно-угорских языков, хотя практически во всех них находящийся на периферии списка активных словообразовательных аффиксов. Это обстоятельство наряду с семантической характеристикой суффикса (деминутивный, локативный) является наиболее существенным условием преобразования словообразовательного суффикса в онимический формант.

Функционирование суффикса в целом ряде финно-угорских языков означает, что для распространения модели обязательно реконструировать единый центр и некую единую хронологию. В принципе могло происходить параллельное развитие на разных участках территории (ср. подобные процессы на уровне микротопонимии в разных современных финно-угорских топонимических системах) и пополнение топонимии новообразованиями из живых языков. Исходя из того, что в Присвирье суффикс оформляет исключительно основы с доприбалтийско-финскими истоками и функционирует в наименованиях относительно крупных рек, он, скорее всего, приобрел статус продуктивного потапонимного форманта в доприбалтийско-финскую эпоху. На это же в принципе указывает и обширный ареал форманта на Европейском севере России, который, к тому же, значительно более плотен к юго-востоку от Присвирья, чем к северо-западу от него.

Суффиксальные истоки «речных» формантов хорошо вписываются в определенные правила, выявляемые, например, на прибалтийско-финском материале. Для того, чтобы появилась суффиксальная топонимная модель, необходим определенный набор предпосылок: достаточно высокая степень употребления топонимов данного разряда, существенная роль самого объекта называния среди других географических реалий, ограниченный набор семантических моделей называния, присущих искомому классу географических объектов, а также функционирование топонимов на официальном

уровне¹. Потамонимы отвечают с безусловностью всем этим требованиям, вследствие чего их суффиксальная структура должна рассматриваться не как исключение, а как норма.

В третьем разделе «Этимология субстратных топооснов» предложена этимологическая интерпретация более, чем 20 гидронимных основ Присвирья с древними прибалтийско-финскими истоками. Большая часть этимологий является оригинальными и вводится в научную практику впервые. Среди них:

ilm- (*Ilmas, Ilmajärvi, Ильмеца*) / *elm-* (*Elmüz, Elmisjärvi*): саам. *âl'bme* < **el'mē* < **elmä* < **ilma* 'верхний' (букв. 'небесный'). Этимология основывается на последовательной привязке основы к водораздельным (верхним) водным объектам и ареальной дистрибуции фонетических вариантов *ilm-/elm-*, связанных с хронологически разными этапами прибалтийско-финско-«саамского» контактирования: в *ilm-*, представленном условно к югу от Онежского и Ладожского озер, и *elm-*, распространенном к северу от Онежско-Ладожского ареала, отражаются разные этапы в развитии древней саамской лексемы.

В работе приводятся основания в пользу «верхней» (*ilm-*) интерпретации гидронима *Ильмень*, отражаемого письменными источниками вплоть до XVI в. как *Ильмерь* (< приб.-фин. **Ilmajärvi*).

kač- (*Kač, Kačjärv, Качезеро*): прасаам. **kaša* 'голова, вершина, конец' до прошедшей еще в праязыковой период передвигке под влиянием последующей аффрикаты заднерядного *a* вперед (**kaša* > **kēčē* > *gæčče*).

kain- (*Kainos/oja, Кайно*): прасаам. **kējnō* (> саам. *gæi'dno*) 'дорога', в котором отодвигка гласного первого слога назад, происшедшая в ходе прибалтийско-финской адаптации, была спровоцирована заднерядным гласным основы.

palg- (*Pougužjärv, Палгозеро, Палгуша*): прасаам. **pālk-* (> саам. *balges*) '(оленья) тропа'. Этимология, как и в предыдущей основе, находит поддержку в географической характеристике объектов, привязанных к зимним дорогам.

poža- (*Poža, Požan/agde*): прасаам. **pōššō* (саам. > *boaš'šo*) 'задний угол саамского чума'. Основа функционирует в наименованиях озерных (реже речных) заливов, оправдывая семантику саамской лексемы. Ср. аналогичное употребление в наименованиях озерных заливов саам. *sogge* 'угол чума'.

päl- (*Pal/tärv, Пяля, Пялозеро*): прасаам. **päljē* (> саам. *bæl'lje*) 'ухо', **pēlē* (> *bälle*) 'половина, бок, край'. Ареал гидроосновы не выходит за северо-западные границы Обонезья, отражая, видимо, вепский тип адаптации прасаам. *ε* > вепс. *ä* (ср. также основы *äp-*, *tän-*). Протекавшая севернее и хронологически позднее карельская адаптация отразила основу в виде *pel-* и *piel-* (*Pielinen*).

Есть основания вводить в один этимологический ряд с *päl-* гидронимную основу *pal-* (*Pal/tärv, Палозеро, Палуя*) с возможной отодвигкой назад примарного более переднего по месту образования звука.

sond- (*Sondal(jogi), Сондала*, в карельском ареале за северными и северо-западными пределами Обонезья *Suonjärvi, Suuni, Sundjärvi Сона*): прасаам. **sōntę-* (> саам. *suod'dat*) 'разрезать, открывать'. Этимология находит поддержку в географических реалиях: реки, в основах которых представлена основа *sond-* (и ее фонетические варианты), непосредственно перед устьем протекает сквозь озеро (р. *Šuontale* через оз. *Šuonnarvi*), соответственно озера «разрезаются» рекой (*Сондозеро* пронизывается рекой Ундошей). Суффикс *-l* (< *-le*), достаточно последовательно выступающий в сочетании с основой (*Sondal* неоднократно), должен интерпретироваться как закрепившийся еще на дономастическом уровне для образования отглагольных производных (причастий и прилагательных), т.е. 'разрезающая, пронизывающая озеро'. Соответствующие саамские отглагольные образования на *-l* (< *-le*) известны в топонимии на современной и исторической саамской территории (*Simpele, Kaskel* и др.).

velm- (*Велма, В'иум*): прасаам. *vēlmē* 'река, протекающая из одного озера в другое'. Характер реалий (проливы), за которыми закрепились основы, полностью соответствует семантике саамской лексемы.

än- (*Än/järv, Янезеро, Янега*): прасаам. **ēnē* 'большой'. Основа стабильно привязана к наиболее крупным на окружающем фоне водным объектам. Ареал топоосновы охватывает Онежско-Приладожский регион, распространяясь на юг до северного Белозерья. Модель, однако, отсутствует во внутренней Карелии, где саам. **ē* → карел. *e* (*Eningi/d'ogi*), в результате чего саамская гидрооснова уподобляется внешне карельской *enä* 'большой', имеющей генетически единые корни с саамской лексемой.

Традиция использования уральской лексемы *enä* 'большой' в качестве гидронимной основы бытовала и в других финно-угорских топонимических системах, в частности, в волжско-финском ареале (*Инсар, Инелей, Инокша, Инерка, Неро*). При этом основа волжского типа с

¹ Kiviniemi Eero. Perustietoa paikannimistä. SKST 516. Mänttä. 1990. S.87-88.

инициальным и граничит в северном Белозерье с саамским типом *ep- → äp-.

В одном ряду с отмеченными выше лимнонимами считаем возможным рассматривать *Онежское озеро*. В вепсском варианте *Änine* выделяется топонимный суффикс -ine и собственно топооснова äp-, усвоенная в русское употребление на раннем этапе вепско-русских контактов в виде он-. В результате происшедшего позднее в вепсском йотирования инициальных гласных переднего ряда и изменения качества ä в 'ä лимнонимы, попавшие в сферу русского употребления позднее, имеют в основе ян- (*Янезеро*).

Представленные в работе этимологии выявляют некоторые базисные особенности вокализма первого слога древней топонимии Присвирья. В топоосновах довольно последовательно отражается прасаамский вокализм первого слога, в котором произошли качественные изменения, отличающие прасаамский этап развития от праприбалтийско-финско-саамского. Однако ряд явлений, характеризующих современное языковое состояние (дифтонгизация, расширение узких гласных), отсутствуют. Праприбалтийско-финский *a представлен в Присвирье в двух прасаамских вариантах *o и *a (*Sondal, Kača*), соответственно *ä в лексемах с широкой основой расширился до a (*Ваблок*). В свою очередь праязыковой прибалтийско-финско-саамский узкий *i оказался довольно консервативным (*Ilmas*), что, собственно, констатируют и известные прасаамские лексические реконструкции, в соответствии с которыми характер прасаамского узкого напряженного *e был близок по звучанию к i. Такое же качество звука констатируют ранние заимствования из саамского в финские говоры (*iltti*). Древний *e в словах с широкой основой, видимо, расширился до *ë, который был усвоен в вепскую топонимию Обонежья как ä (*Pällärv, Änjärv*).

Выявляющиеся через точные, т.е. географически подтвержденные этимологии фонетические признаки использованы в качестве критерия для новых этимологических изысканий (пит- ~ пет-, лик-, ширв-) и ревизии некоторых уже существующих этимологий. Среди последних саамская интерпретация (< vuoččo 'болото') продуктивной в Присвирье топоосновы vaz ~ va(d)ž (*Vadžug, Vadžaso, Вазозеро*), вступающая в противоречие с установленным для Обонежья закономерным этапом o, но не a. Из истории саамского вокализма известно, что прасаамское *o генетически восходит к прибалтийско-финско-саамскому *a, которое сохранилось в неизменном виде в прибалтийско-финской языковой среде (саам. guolle < *kölē <

*kala, ср. фин. kala). С учетом этого прибалтийско-финский эквивалент саамского vuoččo должен выглядеть как *vatso → вепс. *vaz ~ *va(d)ž. Многочисленные топонимические свидетельства в Присвирье позволяют предполагать былое бытование термина по крайней мере в вепсской языковой среде. Причем, судя по популярности топоосновы, лексема могла быть в свое время довольно продуктивной.

В заключительном разделе главы обращено внимание на то, что языковая база для древних топонимов Присвирья – региона, граничащего с Верхневолжьем, объективно должна быть шире саамской, пусть и учитывающей древние этапы саамского языкового развития, и учитывать волжско-финские связи в материальной облике гидронимных основ и формантов, а также в этимологиях ряда севернорусских апеллятивов.

В работе предложена исходящая из волжско-финских языковых данных интерпретация двух гидронимных основ:

viks- /vikš- (*Викша, Виксинда, Викиозеро*): ср. мерянское векса 'протока' (? марийск. икса, коми-зыр. вис, приб.-фин. vuoksi). Этимология хорошо подтверждается географической характеристикой водных объектов. Топооснова фиксируется многократно в широком ареале от Белозерья до Беломорья, что позволяет предполагать наличие в языке создателей древней гидронимии региона лексемы, родственной мерянской.

kušp- (*Кушп, Кожуль, Кожола*): ср. марийск. küšəl 'верхний'. Достаточно устойчивое бытование основы в топонимии Карелии, дополненное не менее продуктивной основой kuz-/kuž- (*Кузома, Куозеро*), которая сопоставима с марийской непронизводной основой küš-, дает основание реконструировать соответствующую лексему в языке древних обитателей региона. Интерпретация надежно подтверждается географической привязкой основы к верхним в водной системе объектам, а также наличием метонимической кальки *Илекса* (т.е. 'верхняя') для одного из них.

Территория бытования обеих основ выходит далеко за пределы Присвирья, так что последнее фактически входит составной частью в обширные непрерывные ареалы, протянувшиеся от Поволжья до Беломорья. Подобным ареалом характеризуются и некоторые топоосновы, интерпретирующиеся из саамских языковых данных. Среди последних *čuhli-/чугл-*, представленная на трех участках ареала в апеллятивном функционировании (фин. диал. juolu 'мыс; каменный склон горы' в северной Финляндии, вепс. čuhlik 'конусообразный берестяной черпак для питья' в Белозерье; рус. диал. чугла 'горка, холм'

и чублак 'большая гора, поросшая лесом' на Двине). В топонимии она выступает преимущественно в наименованиях мысов и гор, т.е. объектов, которые могут быть объединены в семеме 'край, угол, конец'. Это позволяет сопоставлять основу с саамским *čuoŋo* 'край, бок, сторона, тупик'.

Ареальное совпадение топооснов, часть из которых интерпретируется из саамского, а часть из волжско-финских языков, свидетельствует в пользу отсутствия резко очерченного противостояния Верхневолжья и Обонежья, в ряде случаев и Беломорья, а также может рассматриваться как подтверждение участия поволжского языкового компонента в формировании саамского языка.

Подводя итоги усвоению в прибалтийско-финскую (вепскую) топонимическую систему Присвирья древней довепской топонимии, можно констатировать безусловное наличие доприбалтийско-финской топонимии в Присвирье. Анализ материала позволяет сделать некоторые выводы о специфике языковых контактов. Основная масса древних присвирских топооснов не является раритетами, но образует определенные ареалы, в большинстве своем выходящие за пределы Присвирья. Такая ареальная характеристика достаточно надежно свидетельствует о субстратном характере взаимоотношений, т.е. эта топонимия стала частью вепской системы географических названий в результате языковой ассимиляции, постепенной "вепсизации" носителей древней топонимии. С этим же обстоятельством связан и относительно последовательный, системный характер фонетической интеграции древней топонимии, к примеру, выявляющееся ареальное противопоставление *i - e* (присвирское *iŋm-* - "карельское" *elm-*) или *a - i* (обонежское *ān-* - верхневолжское *ni-*) в позиции начала слова. В принципе в Обонежье работает и еще один критерий, указывающий на субстратный (не заимствованный) характер контактов - это наличие субстратной лексики. Правда, сделанный вывод бесспорен лишь для восточного Присвирья, прилегающего к Обонежью. Западнее же доприбалтийско-финские вкрапления носят достаточно фрагментарный характер. Видимо, сказалось, с одной стороны, более массивное, последовательное прибалтийско-финское и русское освоение западного Присвирья на фоне восточного, с другой, изначально менее системный характер доприбалтийско-финской топонимии в западном Присвирье.

Выявленное в Присвирье доприбалтийско-финское топонимное наследие в силу объективных причин не дает достаточно четкого представления о механизмах интеграции древней топонимии в вепскую топонимическую систему Присвирья. Не удастся установить четких

закономерностей фонетической адаптации, поскольку, прежде всего, доподлинно неизвестна та фонетическая система, которая существовала в древней топонимии к моменту прибалтийско-финской адаптации. Кроме того, есть основания предполагать родство двух фонетических систем - заимствованной и заимствующей, что в итоге не дает ярких проявлений фонетических закономерностей усвоения.

По этой же причине языкового родства недостаточно выразительно проявляется структурная адаптация. Субстратные гидроформанты последовательно "переводились" воспринимающей прибалтийско-финской системой (ср. подобный процесс в ходе вепско-карельского контактирования), в результате появляются гибриды или полупереводы, в которых при довепской основе присутствует вепский детерминант. Структурная адаптация проявляется нагляднее через суффиксальные модели, в частности, оформление иноязычной основы прибалтийско-финским деминутивным суффиксом *-ine* (оз. *Anine*) или выражающим подобие названному производящей основой *-nd ~ -nž* (р. *Суланда*, р. *Ухтинжа*).

Есть основание полагать, что языковое родство, имевшее следствием близость в материальном облике "своей" и "чужой", т.е. усвоенной из предшествующей топонимии, топооснов могло в ряде случаев приводить к полному, вливаю в ряд прибалтийско-финских. На самом деле, за вепскими или карельскими названиями мест, особенно относящимися к разряду гидронимов, могут стоять более ранние оригиналы, полностью адаптировавшиеся к прибалтийско-финской системе имен. Процесс "прямого" усвоения сопровождался, судя по свидетельствам обонежской топонимии (ср. р. *Яндеба* - оз. *Вонозеро*, р. *Яндама* - зал. *Великая Губа*), собственно переводом атрибутивной топоосновы.

В пятой, заключительной главе "Формирование этнолингвистической карты Присвирья" обобщены те этноисторические результаты, которые получены в ходе анализа собственно топонимического материала.

Топонимия региона - это, как правило, многослойное образование, в котором географические названия, возникшие в языке современного населения региона, сочетаются с наименованиями, восходящими к языкам предшествующего этноса или этносов. При этом характер взаимоотношений между топонимными слоями отражает характер и особенности собственно этноязыкового контактирования в регионе. Поэтому познание закономерностей топонимного

контактирования приближает к пониманию происходивших в прошлом этнических процессов.

Первый принципиальный этнолингвистический вывод, вытекающий из анализа прибалтийско-финско-русского топонимного контактирования заключается в обязательном учете прибалтийско-финского наследия как одной из существенных составляющих формирования севернорусских диалектных особенностей в регионе Присвирья. По характеру адаптации прибалтийско-финских топонимов в русском Присвирье можно выделить три микрзоны: юго-западную, центральную и северо-восточную. При этом границы, устанавливаемые по топонимическим свидетельствам, совпадают с диалектными, одна из которых отделяет Ладого-Тихвинскую диалектную зону от Онежской, а другая разделяет ладого-тихвинские диалекты на две группы, западную и восточную. Анализ механизма усвоения топонимных моделей позволяет говорить о разном характере прибалтийско-финско-русского контактирования в выделенных диалектных ареалах. На юго-западе Присвирья (бассейн Паши) русское освоение носило, очевидно, более массовый и стремительный характер и растворило в себе прибалто-финнов таким образом, что язык последних отразился в западных говорах Ладого-Тихвинской зоны лишь в качестве единичных вкраплений. Наоборот, северо-восточная окраина Присвирья (Онежские говоры) – это преимущественно перешедшее на русский язык прибалтийско-финское население. Появление полукалек сопряжено с ситуацией двуязычия. Между двумя полюсами расположена буферная зона (восточные говоры Ладого-Тихвинской диалектной зоны), некоторые адаптационные модели в топонимии которой (например, при преимущественном прямом заимствовании появляются полукальки на *-озеро*, ойконимы на *-ичи/-ицы*) спровоцированы билингвизмом.

Второй не менее важный вывод этноисторического содержания заключается в выявлении разной хронологии русского освоения отдельных участков Присвирья. Исключительно хорошая сохранность прибалтийско-финской микротопонимии в обонежском Присвирье связана в значительной степени с поздним по времени обрусением этой территории. При этом переход на русский язык не был одномоментным актом. В Присвирье выявляются некие очаги, центры, где при общей слабой сохранности прибалтийско-финского пласта еще и адаптация прибалтийско-финских топонимов протекала иначе, с применением иных адаптационных моделей, чем в окружающем регионе. Как правило, эти очаги совпадают с бывшими административными центрами. Исследование закономерностей контактирования топосистем позволяет

соотнести некоторые современные пункты Присвирья (Алеховщина, Имоченицы) с центрами, зафиксированными древними документами.

Еще один существенный этноисторический вывод, вытекающий из использования разных адаптационных моделей с одной стороны, на южной границе Присвирья, с другой – в более северном ареале, заключается в том, что подобная дистрибуция может быть результатом несколько разных потоков древнерусского освоения Присвирья. Один из коридоров древнерусского проникновения в Присвирье располагался, видимо, там, где река Папа делает крутой поворот на восток и где русло реки ближе всего подходит к Тихвинке. В этом юго-западном углу Присвирья практически полностью отсутствует прибалтийско-финская микротопонимия и, наоборот, представлено разнообразие русских микротопонимных типов с широким набором суффиксов и с префиксальным оформлением. В здешней микротопонимии закрепились архаическая, давно выпавшая из активного употребления новгородская лексика. Кроме этого юго-западного входа в Присвирье существовал, видимо, и другой – собственно свирский, маркируемый, в частности, оформленными древним славянским суффиксом *-гост/-гошь* гидронимами *Милוגость*, *Рудогошь*, *Вяргость*, *Онегость* в низовьях Ояти и Паши. Этот формант прослеживается на собственно новгородской территории, однако западное Присвирье – это крайняя восточная граница его распространения в Онежско-Ладожском регионе.

Анализ топонимного контактирования и адаптационных моделей выводит и на ряд этноисторических наблюдений, касающихся прибалтийско-финской страницы в истории Присвирья.

Топонимия, к примеру, свидетельствует со всей безусловностью о том, что ареал современного вепсского расселения, тяготеющий к Волго-Балтийскому водоразделу, имеет остаточный характер. Вепские топонимные ареалы фиксируются достаточно широко за его пределами, в зоне современного русского и карельского заселения, причем, судя по топонимическим критериям, характер контактов различен на разных участках Межозерья. С другой стороны, ряд локальных вепских топонимных ареалов должен быть сопряжен с хронологически разными этапами освоения региона.

Так, ареал *-I*-овой ойконимной модели (*Vingl*, *Karhil*, *Kokoil*, *Nirgl*) коррелирует в известной мере с археологическим ареалом кургиков Юго-Восточного Приладожья, который принято считать прибалтийско-финским наследием. Это обстоятельство в совокупности с ранним возрастом модели, фиксирующейся в Присвирье уже самым

ранним известным по этой территории письменным источником XIII в. и подтверждающейся практически полным отсутствием образований от христианских имен, а также с учетом того, что вепское Межозерье представляет собой юго-восточную окраину общего прибалтийско-финского ареала -l-овой модели, позволяет связывать ее с одним из ранних (хотя не обязательно исходных) прибалтийско-финских этапов в истории вепского Межозерья. Он имел определяющее значение в этнической истории вепсов как прибалтийско-финского этноса. Знаменательно и отсутствие -l-овой модели на восточной периферии вепского ареала - в Прионежье и на Онежско-Белозерском водоразделе. Видимо, на ранних этапах прибалтийско-финской истории Межозерья интересы вепсов были больше связаны с водными путями, ведущими на север - в Беломорье и на северо-восток - за восточные пределы Обонежья. Ойконимия -l-ового типа представлена на обоих этих путях., причем их идентичность присвирским не только по форме, но и по основам говорит о том, что вепские топонимы на -la появляются в Заонежье и на Водлозере приблизительно одновременно с южным Присвирьем. Это предположение, кстати, согласуется с археологическими реалиями, согласно которым археологические памятники приладожского типа обнаружены в Заонежье и на Водлозере.

Определенное противостояние Присвирья ареалу расселения, с одной стороны северных (прионежских), с другой - белозерских вепсов, прослеживается и на ойконимной модели -išt (*Deremišt, Voinikišt, Prangatišt*), абсолютно чуждой Присвирью. Среди других топонимных разрядов, демонстрирующих ареальную дистрибуцию, укажем здесь гидронимно на -nd/-nž. Модель, практически отсутствующая в западном Присвирье, приобретает убедительную продуктивность в северо-восточном его углу, откуда ареал тянется в южное и восточное Обонежье, отражая, видимо, определенный этап в освоении вепсами территорий, расположенных за восточными пределами Присвирья.

Анализ вепско-карельского топонимного контактирования выявил со всей очевидностью участие вепского начала в формировании лодиковского диалектного ареала. При этом роль проводников вепского воздействия на север из Присвирья играли реки - северные притоки Свири. Наглядное доказательство этого - лодиковско-ливвиковская граница, проходящая по водоразделу Свири и Олонки. В то время как лодиковское наречие с его бесспорным вепским субстратом распространено в свирском бассейне, ливвиковское со значительно более размытым вепским наследием территориально оказывается за северо-западными пределами

Присвирья. Особенно значительная роль в распространении вепского влияния из Присвирья на север принадлежала реке Важинке. Именно она сформировала лодиковско-ливвиковскую границу на южном участке по реке Шуе. Карельское языковое воздействие, продвигавшееся на восток с верховьев Шуи вниз по реке, заметно слабеет в низовьях Шуи, столкнувшись здесь с вепским потоком освоения, который поднимался со Свири по Важинке и уходил далее в Заонежье. Существование описанного пути подтверждается некоторыми характерными вепскими топонимными моделями, представленными вдоль него.

Анализ ареальной дистрибуции доприбалтийско-финских моделей свидетельствует о сосуществовании в Присвирье основ, имеющих широкий ареал бытования от Поволжья до Беломорья, с основами локального распространения. Среди последних гидронимы с основами *ileks/-iles-* 'верх, верхний', *vašk-* 'окунь', *šim-* 'черный'. То, что их ареалы в значительной мере накладываются на ареал позднекаргопольской археологической культуры, предшествовавшей в южном и юго-восточном Обонежье собственно прибалтийско-финскому наследию, дает основание с осторожностью предполагать в них след языка "позднекаргопольцев". Представленные основы с точки зрения языковой интерпретации соотносятся как с прасаамскими, так и с волжско-финскими языковыми данными, и в этом смысле их "позднекаргопольская" привязка не противоречит археологическим реалиям, в соответствии с которыми истоки названной культуры в памятниках ананьинских древностей VIII-VI вв. до н.э. Среднего Поволжья, при этом известно, что носители ананьинской культуры приняли участие в формировании саамского этноса. Основы с более широким ареалом бытования (*šokš-*, *and-*, *čuhl-*, *jağr-*) также допускают саамскую и волжско-финскую интерпретацию и согласуются с археологическими представлениями о формировании саамского этноса¹. При всей неоднородности топонимического материала и в некоторых моментах спорности он свидетельствует о длительном вхождении территории вепского Межозерья в ареал идущих из Поволжья языковых импульсов. При этом границы ареала неуклонно сужаются: от вхождения Межозерья составной частью в обширный регион лесной полосы Восточной Европы через постепенный выход западной его части за пределы поволжских инноваций до концентрации последних практически исключительно в Белозерье.

¹ Археология Карелии. Петрозаводск. 1996. С.216-271.

Исходя из этого, можно предполагать, что представленные гидронимные модели могут быть связаны с хронологически и в этноязыковом плане несколько разными потоками заселения. Нельзя, однако, отрицать того, что в значительной степени это языковые следы населения, непосредственно предшествовавшего в Межозерье прибалтийско-финскому и вошедшего в состав саамского этноса.

В заключительном разделе главы предлагаются основания (топонимические) для выделения в Присвирье двух историко-культурных зон.

Сопоставление целого ряда топонимных ареалов, сформировавшихся в разное время и в разной языковой среде, свидетельствует об их наложении, о совпадении на значительном протяжении их границ. Очевидно, за этим стоят этноисторические реалии, связанные со стабильностью путей освоения территории и использованием на разных этапах заселения маршрутов, проложенных предшественниками. Последние, в свою очередь, базируются на естественно-географических обстоятельствах – удобные водные и водно-волоковые пути, препятствия в виде порогов, границы ландшафтных зон и др. Устойчивой, хотя и проницаемой границей был водораздел, отделяющий Присвирье от бассейнов рек, впадающих с запада в Ладожское озеро. В северном Присвирье не менее важен был путь с Важинки в бассейн Шуи. К ней привязывается граница двух севернорусских диалектных зон – Ладого-Тихвинской и Онежской. При этом граница имеет более ранние, чем древнерусское освоение истоки, т.е. древнерусская колонизация накладывалась территориально на границу, намечившуюся уже в более раннюю эпоху. Она известна как участок, по которому проходит ливвиковско-людиковский языковой рубеж. Топонимически она подтверждается тем, что именно к устью Важинки привязывается северная точка распространения вепсской -l-овой ойконимии, основной ареал которой располагается в Юго-Восточном Приладожье. Со своей стороны, для многих распространявшихся из Белозерья моделей древних топооснов (ileks-/iles- 'верх, верхний', vašk- 'окунь', šim- 'черный') и моделей (суффиксальная гидронимная модель -nd/-nž) Важинка оказалась непреодолимым северо-западным рубежом.

Предшествующие рассуждения подводят к мысли о том, что Присвирье, представляя собой географически единую территорию – бассейн реки, в смысле этноисторического и этнолингвистического наследия делится на две историко-культурные зоны – Юго-Восточное Приладожье и Обонежье. По целому ряду топонимических фактов

восточное Присвирье противостоит западному, при этом противостояние подтверждается моделями с разными языковыми истоками и на разных хронологических срезах. Историко-культурную зону можно определить как ареальное единство, которое формируется целым рядом факторов, в том числе физико-географических, климатических, хозяйственно-экономических, исторических, собственно этнографических¹. В Присвирье можно наблюдать, насколько высока степень устойчивости историко-культурных зон: меняются этносы, хозяйственные формы, археологические культуры, а зоны остаются. Этнические трансформации происходили в устойчивых ареальных границах. При этом топонимия убедительно свидетельствует о том, что каждая последующая волна освоения не отвергала предыдущую, а перерабатывала, определенным образом впитывала особенности языка, культуры и т.д. предыдущей. На разных участках Присвирья – в границах историко-культурных зон – это взаимодействие могло отличаться по характеру, условиям и т.д. Преемственность тем не менее сохранялась.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск: Изд-во "Карелия", 1988. 161 стр.
2. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: Карел. научный центр РАН, 1991. 160 стр. [в соавторстве с Н.Н.Мамонтовой].
3. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Изд-во "Наука", 1994. 156 с.
4. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. Под ред. А.С.Герда. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. 194 с. [в соавторстве с И.В.Азаровой, А.С.Гердом].
5. Vepsians in Mezhozerje from place-name data // Proceedings of the XVII international congress of onomastic sciences. Helsinki, 1990. Vol. 2. P. 195-202.
6. Вепсские топонимные ареалы на диалектном фоне // Российский этнограф. 15. Ономастика. Часть 2. Грамматика собственных имен. Регион. Ареал. Диалект. М. 1993. С. 156-164.
7. О "святых" топонимах и некоторых следах древних верований вепсов в топонимии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 1993. С.4-12.

¹ Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб. 1995. С.46-55.

8. О переводе в топонимии // Материалы для изучения сельских поселений России. Докл. и сообщ. III науч.-практ. конф. "Центральночерноземная деревня: история и современность". М.: Всерос. науч. и культ.-просвет. о-во "Энциклопедия российских деревень", 1994. Ч.1: Язык и культура. С.124-126.

9. Paikannimistö vepsäläisten muinaisen perinteen valoittajana // Vepsäläiset tutuiksi. Kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 108 Joensuu: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. S.63-72.

10. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1995. С. 192-197.

11. Кивоя и Кивручей: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 1995. С.4-17.

12. К проблеме древних «речных» суффиксов (в контексте вепсской гидронимии) // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С.367-368.

13. К проблеме этнической истории прибалтийско-финских народов (по данным языкознания) // Севернорусские говоры. Вып.6. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С.3-14 [в соавторстве с А.С. Гердом, Н.Н. Мамонтовой].

14. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 1995. С.17-27.

15. Karelish-wepsische Kontakte im Ortsnamengut des nördlichen Svir-Gebietes // Itämerensuomalainen kulttuurialue. Castrenianumin toimitteita 49. Helsinki. 1995. S.142-163.

16. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: история и современность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С.109-120.

17. Субстратные элементы в лексике вепсского языка // 50 лет Карельскому научному центру РАН. Юбилейная научная конференция. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1996. С.237-238.

18. Вепско-карельские контакты в топонимии Северного Присвирья // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1997. С.152-163.

19. Из истории славяно-финских контактов в юго-восточном Приладожье // 13. Международная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов М.-Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1997. С.382-383.

20. Истоки топонима *Суна* в контексте этноязыковой истории Обонежья // Традиционная культура финно-угоров и соседних с ними народов. Проблемы комплексного изучения. Межд.симпозиум. Тезисы докладов. Петрозаводск: Карел.науч.центр РАН,1997. С.67-69.

21. Заметки о топонимии Присвирья // Из истории Санкт-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С.65-72.

22. Следы времен минувших: Село Суйсарь и его окрестности в географических названиях // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1997. С.10-20. [в соавторстве с Н.Н.Мамонтовой].

23. Топонимия Заонежья: итоги и перспективы // Международная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры русского Севера «Рябининские чтения'95». Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1997. С.231-236. [в соавторстве с Н.Н.Мамонтовой].

24. Вепские языковые древности // Вепсы: история, культура, межэтнические контакты (к 100-летию со дня рождения С.А.Макарова) Петрозаводск: Изд-во Петроз. гос. ун-та, 1999. С.89-97.

25. О двух забытых вепских географических терминах // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание 21-23 октября 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. С.45-46.

26. От Онежского озера до озера Неро: к разгадке истоков древних топонимов // Русская народная культура и ее этнические истоки. Пошехонские чтения-99. Первый семинар. М.:Изд-во "Современный писатель", 1999. С.27-30.

27. Формирование историко-культурных зон Карелии (по материалам топонимии) // Важнейшие результаты исследований Карельского научного центра РАН. Тезисы докладов юбилейной научной конференции КНЦ РАН, посвященной 275-летию РАН. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1999. С.149.